

М. Н. Погребова, Д. С. Раевский

К ВОПРОСУ ОБ «ОТЛОЖИВШИХСЯ СКИФАХ»
(Herod., IV, 22)

За достаточно уже долгую историю научного изучения Скифского рассказа Геродота сложилась отчетливая тенденция практически каждому его пассажи и даже отдельному тезису придавать по возможности развернутый археологический комментарий. Суть такого комментирования — соотнесение сообщаемых отцом истории сведений с различного рода материальными объектами или их совокупностями разных рангов. Так, сведения о территории обитания какого-либо древнего народа сопоставляются с ареалом памятников определенной культурной принадлежности, данные о миграциях проверяются картиной изменения культурных ареалов, описание обычаев и ритуалов корректируется их древними изобразительными воплощениями или такими особенностями структуры раскопанных сооружений, которые обусловлены ритуальной практикой оставивших их народов, и т. п. В ходе такого всестороннего комментирования из субъективного повествования, каким по существу является Скифский рассказ, вычленяется все более обширная совокупность исторических свидетельств, достоверность которых подтверждена данными качественно иной природы.

Однако каждое подобное сопоставление археологических фактов с сообщением Геродота достаточно правомерно и может служить доказательством истинности сохраненной историком информации лишь при условии, что и комментируемый тезис, и соотносимые с ним археологические факты привлекаются не изолированно, но в рамках достаточно сложной системы. Каким бы кратким (и даже по сути попутным) ни было интерпретируемое свидетельство, и оно само, и археологические материалы, используемые для его толкования и подтверждения, должны анализироваться с учетом максимально широкого круга характеризующих их связей, в том числе и не имеющих на первый взгляд прямого отношения к конкретному содержанию интересующего нас пассажа. Это позволяет избежать случайных сопоставлений и создает возможность получения достаточно объективной и достоверной картины. Более того, в этом случае каждая новая идентификация обеспечивает проверку правильности целой серии предпринятых ранее.

Иногда именно привлечение фактов, казалось бы, весьма далеких — и территориально, и культурно-исторически — от непосредственного содержания комментируемого текста, только и может привести к решению предлагаемой этим текстом исторической загадки. Такой пример, на наш взгляд, являет тот пассаж Скифского рассказа, опыт археологического комментария к которому предлагается ниже.

При описании народов, обитающих за Причерноморской Скифией, Геродот (IV. 22), перечислив савроматов, будинов, тиссагетов и иирков, добавляет: «Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов (Σκῦθαι ἄλλοι, ἀπὸ τῶν βασιλῆϊων Σκυθέων ἀποστάτες) и таким образом (οὕτως) прибывшие в эту страну».

Это краткое и достаточно туманное сообщение представляет несомненный интерес, поскольку содержит намек на какие-то важные события ранней истории скифов, вообще известной нам крайне скудно. Однако какая бы то ни было историческая интерпретация приведенного пассажа возможна лишь после археологической идентификации упомянутых в нем отложившихся скифов прежде всего потому, что только обнаружив археологические их следы, мы обретем уверенность, что приведенное сообщение Геродота отражает подлинные исторические факты, а не является плодом фантазии самого историка, вымыслом его информаторов или результатом некоего недоразумения. Кроме того, археологический анализ памятников отложившихся скифов — единственный способ уточнить время упомянутого Геродотом раскола, о котором мы знаем лишь, что он должен был произойти ранее середины V в. до н. э., т. е. в догеродотову эпоху. Без хронологической же привязки этого события любая историческая его интерпретация, любые рассуждения о вызвавших его причинах, его характере и формах останутся чисто спекулятивными.

Парадокс, однако, состоит в следующем. С одной стороны, датировать отделение интересующей нас группы скифов мы можем лишь по характеру оставленных ею памятников. С другой же стороны, сами поиски этих памятников, казалось бы, возможны лишь после предварительного уяснения, к какому этапу скифской истории относится упомянутый раскол, поскольку он определяет, что же нам, собственно, следует искать. Если это событие произошло после того, как в основном завершилось формирование культуры, традиционно соотносимой со скифами, то очевидно, что памятники «отщепенцев» должны быть в целом достаточно близки к известным в собственно скифском ареале. Если же, как полагает ряд исследователей (см. ниже), раскол имел место еще на предскифской стадии в археологическом значении этого термина, то последовавшее затем развитие материальной культуры основной массы скифов и их отделившихся соплеменников должно было быть достаточно автономным. В таком случае привычные археологические критерии скифской принадлежности комплекса оказываются просто непригодными для выявления памятников, оставленных отложившимися скифами. Если принять во внимание, что переход от предскифской эпохи к скифской повсеместно был ознаменован кардинальными изменениями в материальной культуре, а нам к тому же неизвестно, на каком местном фоне происходила эволюция культуры отщепенцев, то атрибуция каких бы то ни было комплексов как принадлежащих отложившимся скифам вообще оказывается в этом случае археологически недоказуемой.

При допущении же, что раскол в скифской среде произошел уже на стадии существования сформировавшейся и хорошо нам известной культуры скифов, попытки обнаружить археологические следы интересующей нас этнической группы наталкиваются на трудности иного плана. Известно, что определенные элементы этой культуры (прежде всего предметы «скифской триады» — оружие, конский убор и изделия в зверином стиле) достаточно широко распространялись за пределы зоны обитания самих скифов и не могут служить индикатором скифской принадлежности содержащего их комплекса. Памятники же, идентичные причерноморским скиф-

ским по всем этнически значимым характеристикам, на сегодняшний день вне пределов основного скифского ареала неизвестны. Означает ли это, что древности отложившихся скифов еще не раскопаны или что мы не в состоянии опознать их среди известных археологических материалов?

Трудность выявления археологических следов скифов „отщепенцев“, вызванная отсутствием однозначного ответа на вопрос, как должны выглядеть эти следы, усугубляется неясностью представления о локализации зоны поисков. По существу из рассказа Геродота с очевидностью следует лишь, что между областью обитания отложившихся скифов и Причерноморской Скифией лежат земли савроматов, будинов, тиссагетов и иирков. Однако многообразие предлагавшихся реконструкций Геродотовой этногеографической карты Восточной Европы и обилие вариантов размещения и археологической идентификации каждого из перечисленных народов делают эти сведения явно недостаточными. Как мы увидим ниже, даже вопрос об общем направлении описанного Геродотом маршрута вызывает разногласия среди специалистов. Определенного внимания заслуживает сообщение отца истории (IV. 23), что весь путь из Скифии до областей обитания интересующих нас „отщепенцев“ пролегает по плодородной равнине, а далее в том же направлении на значительное расстояние простирается земля каменистая и неровная, тянущаяся вплоть до подножия высоких гор. Но подобная характеристика приложима ко всему северо-востоку Европы и для конкретизации зоны поисков явно недостаточна.

Именно неопределенность географических данных о месте обитания отложившихся скифов и отсутствие четких представлений об археологическом облике оставленных ими памятников явились причиной крайнего разнообразия предлагавшихся толкований рассматриваемого пассажа. Недавняя публикация подробного историографического комментария к Скифскому рассказу Геродота¹ избавляет нас от необходимости излагать всю историю вопроса. Оставляя в стороне заведомо неприемлемые мнения (к примеру, локализацию отложившихся скифов в Северо-Западном Причерноморье), остановимся на ключевых моментах существующих толкований и на некоторых новейших попытках интерпретации рассматриваемого свидетельства. Все обилие выдвигавшихся гипотез можно сгруппировать вокруг трех вариантов понимания исходной посылки. Согласно первому варианту, раскол в среде скифов произошел еще в эпоху их обитания на «азиатской прародине», и отделившаяся группа осталась на земле своих предков. Второй вариант предполагает продвижение и основного скифского массива, и отщепенцев в Европу, но по разным маршрутам. Наконец, третий вариант исходит из того, что раскол произошел после завершения первоначальной скифской миграции с востока, когда отложившиеся скифы двинулись в указанную Геродотом область.

Первой точки зрения придерживался, к примеру, в своих ранних работах Б. Н. Граков, приписавший интересующей нас этнической группе курганы скифского времени между Волгой и Уралом². Однако позже ис-

¹ Доватур А. И., Каллаистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1982. С. 248 сл.

² *Граков В. N. Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural // ESA. 1928. V. 3.* Азиатской такую локализацию мы именуем в соответствии с античной традицией, в качестве границы между Азией и Европой воспринимавшей, как известно, Танаис. Представление об азиатской прародине скифов формировалось в русле той же традиции, и это позволяет причислять гипотезу Б. Н. Гракова к первому из трех названных вариантов толкования рассматриваемого пассажа. О более ранних опытах разработки этого варианта см. Доватур и др. Ук. соч. С. 248.

следователь пересмотрел свое мнение и интерпретировал те же комплексы как савроматские³. В настоящее время такая их атрибуция широко признана⁴, и указанная локализация отложившихся скифов полностью лишилась археологического обоснования, на котором главным образом и базировалась.

В последние годы толкование отделившихся скифов как племени, оставшегося на азиатской прародине, отстаивал Л. А. Ельницкий, отождествивший их с саками Казахстана⁵. Вопрос о том, насколько археологический облик сакских памятников Казахстана и скифских комплексов Причерноморья позволяет постулировать этническую близость этих народов, мы оставляем в стороне как далеко выходящий за рамки темы статьи. В связи же с рассматриваемой здесь проблемой необходимо отметить, что предложенная Л. А. Ельницким локализация отделившихся скифов неразрывно связана с общим толкованием всей Геродотовой периегесы, включающей упоминание скифских „отщепенцев“. Согласно достаточно распространенному мнению, она описывает области, простирающиеся от Северного Причерноморья к востоку, вплоть до Центральной Азии. В отечественной литературе, помимо Л. А. Ельницкого, этой точки зрения придерживался С. И. Руденко, помещавший отделившихся скифов в Северном Казахстане, а народы, обитающие за ними, — в более восточных землях, вплоть до Алтая⁶. Но такая широтная ориентация описанного Геродотом пути плохо согласуется с конкретными указаниями самого историка, который несколько раз специально отмечает некоторое отклонение этого пути к востоку (за пустыней, лежащей к северу от будинов, за землей иирков), что, очевидно, предполагает его общую направленность на север. К тому же Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский, проанализировав всю систему географических представлений, отраженных в античной традиции о заскифских землях, выявив ее местные истоки и общеиранские корни, убедительно показали, что толкование Геродотова пути как ориентированного на восток неправомерно: речь идет о пути на север как о концептуальном элементе индоиранской (в том числе скифской) картины мира⁷. Из этого следует, что при любом варианте решения вопроса о времени раскола в среде скифов область обитания отложившейся их части нельзя, опираясь на данные Геродота, локализовать вне пределов Европы, восточнее Урала.

Этому требованию отвечает исходящая из второго варианта понима-

³ Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 102 сл.

⁴ См., например: Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.

⁵ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977. С. 114, 201.

⁶ Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952. С. 17—18. Позже С. И. Руденко отождествлял отложившихся скифов с отдельно упомянутым Геродотом народом аргипшеев, никак, впрочем, это мнение не обосновывая, и локализовал их на пространстве от Зауралья до Алтайских гор (Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М., 1968. С. 13).

⁷ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983. С. 32—35. Недавно С. В. Жарникова подкрепила вывод названных авторов, выявив реальные ландшафтно-географические истоки мифологического представления о расположенных на крайнем севере обитаемой земли горах: им соответствует протянувшаяся по северу Восточной Европы в широтном направлении гряда Северных Увалов, многие характеристики которой соответствуют описанию священных гор индоиранской (в том числе скифской) мифологии (Жарникова С. В. К вопросу о возможной локализации священных гор Меру и Хары индоиранской (арийской) мифологии // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 11. М., 1986).

ния исходной посылки гипотеза, предложенная недавно Д. А. Мачинским. По его мнению, исседоны, теснившие скифов из Азии (о чем, ссылаясь на Аристеев, сообщает Геродот — IV. 13), как бы «разрезали» скифскую орду надвое», и в то время, как основная ее часть продвинулась в Предкавказье и Причерноморье, отделившиеся скифы поселились в районе Бугульминской возвышенности. Археологической их идентификации Д. А. Мачинский не предлагает⁸, и поэтому, в общих чертах соглашаясь с географическим контекстом Геродотова свидетельства, эта гипотеза все же остается умозрительной и допускает различные альтернативные локализации скифских «отщепенцев».

Наконец, третьему варианту понимания исходной посылки следует в новейшей интерпретации рассматриваемого пассажа Б. А. Рыбаков, приписавший отделившимся скифам воронежскую группу курганов скифского времени, которую он трактует как своего рода «скифский остров» в земле, принадлежащей меланхленам среднедонской культуры⁹. Эту гипотезу отличает, пожалуй, наиболее комплексный характер аргументации: она опирается как на разносторонний анализ данных Геродота о локализации искомой этнической группы, так и на некоторые особенности культуры воронежских курганов. Однако оба ряда приводимых автором доводов достаточно уязвимы.

По мнению Б. А. Рыбакова, культуре воронежских курганов присущ отчетливо выраженный скифский облик, причем есть основания приписать эти комплексы именно скифам царским. В качестве одного из главных аргументов в защиту последнего тезиса привлечена предложенная одним из авторов данной статьи интерпретация изображения на серебряном сосуде из Частых курганов как иллюстрации к генеалогическому мифу, служившему в Скифии средством обоснования концепции богоданного характера царской власти¹⁰. Б. А. Рыбаков полагает, что такая расшифровка сюжета «утверждает за воронежскими скифами IV в. бытование у них древней легенды, сложившейся именно в среде царских скифов Нижнего Днепра»¹¹ и тем самым свидетельствует об одноэтничности обитателей Воронежского Подонья и скифов царских. Но воронежский сосуд — одно из многих произведений греческой торевтики, достаточно распространенных в скифское время по всей территории причерноморской лесостепи. Как правило, эти предметы однотипны с эллинскими изделиями, бытовавшими в степной Скифии, и, видимо, попадали сюда через ее

⁸ Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 34—35. Отказ от археологической аргументации продиктован здесь общей установкой автора, цель которого, по его формулировке, — проанализировать лишь «представления античных писателей об этногеографии европейских степей в VII — начале II в. до н. э.» (там же. С. 30). Д. А. Мачинский справедливо отмечает, что истинная картина может быть получена лишь после сопоставления достигнутых таким путем результатов с археологическими, антропологическими и лингвистическими данными. Но последовательно реализовать чисто источниковедческий подход автору все же не удалось. Так, в локализацию отделившихся скифов вторгся аргумент иной природы: помещение их именно в районе Бугульминской возвышенности мотивировано в значительной степени не самими данными античной традиции, а тем, что именно здесь степь и лесостепь заходят далеко на север, а «естественно предположить, что скифы „отщепенцы“ живут, как и их причерноморские собратья, не в лесу, а в степи и лесостепи» (там же, с. 35—36). Насколько безусловен этот экологический аргумент, мы увидим ниже.

⁹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979. С. 116—122.

¹⁰ Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. 1970. № 3. С. 92 сл.

¹¹ Рыбаков. Ук. соч. С. 122.

посредство¹². Поэтому вряд ли названный сосуд отражает непременно идеологию самих обитателей Среднего Подонья и тем более ее особую (по сравнению с концепциями других лесостепных племен) близость к представлениям степных скифов. Тем более этой находки недостаточно для утверждений об одинаковой этнической принадлежности воронежских курганов и степных памятников, различающихся между собой по всем основным показателям, информативным в этнокультурном отношении.

Еще труднее согласовать такую локализацию отложившихся скифов с суммой данных Геродота о расселении восточноевропейских племен, в частности — с тем их толкованием, которое принимает сам Б. А. Рыбаков, справедливо отметивший, что при реконструкции Геродотовой этногеографической карты следует руководствоваться с и с т е м о й взглядов древнего историка, а не «какими-то случайными признаками, вырванными из контекста и сильно обработанными бесконтрольным воображением»¹³. Напомним, что путь из Причерноморья в землю отложившихся скифов, согласно Геродоту, проходит через области обитания савроматов, будинов, тиссагетов и ирков. В рассматриваемой же реконструкции между Скифией и землей „отщепенцев“ оказываются лишь савроматы. Земля будинов (по Б. А. Рыбакову — носителей юхновской культуры) остается далеко на северо-западе, в стороне от интересующего нас пути, а земля тиссагетов и ирков (соответственно городецкой и дьяковской культур), расположенных значительно севернее, этот путь так и не достигает¹⁴. Если же провести этот маршрут через ареалы всех перечисленных культур, то он окажется не прямым, а образует почти замкнутую петлю.

Такое противоречие побудило Б. А. Рыбакова предположить, что в описание земель, лежащих за тиссагетами и ирками, пассаж об отложившихся скифах попал у Геродота случайно и что он более уместен в другом параграфе его рассказа. Причиной такого смещения историк считает путаницу, возникшую при определении взаиморасположения земель царских скифов и меланхленов. По Геродоту (IV.20), эти последние живут к северу от царских скифов. Б. А. Рыбаков полагает, что отчет в данном случае следует вести не от «метрополии» царских скифов, а от области обитания их отделившихся соплеменников. Однако предложенная им идентификация отщепенцев не согласуется и с переосмысленным таким образом текстом, поскольку основной ареал среднедонской культуры, приписанной Б. А. Рыбаковым меланхленам, располагается не к северу от воронежских курганов, а к востоку и даже юго-востоку¹⁵, что признает и сам Б. А. Рыбаков и что отчетливо видно на составленной им карте¹⁶. К тому же из сообщения Геродота отнюдь не следует, что отделившиеся скифы сохраняли присущее их соплеменникам именование «царские», а лишь

¹² Сравним изображения «менад» из Рыжановского кургана с аналогичными находками в целом ряде степных памятников (Рыбаков В. А. Женское погребение из кургана Денисова Могила // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979), известные обкладки горитов чертомлыцкого типа, представленные как в степи, так и в лесостепном Ильинецком кургане, почти идентичные височные подвески из Толстой Могилы, Любимовки и Мастюгина (Бессонова С. С. «Серьги» с изображением Владычицы зверей из скифских погребений IV в. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982) и т. п.

¹³ Рыбаков. Ук. соч. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 191 (карта).

¹⁵ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону (САИ, вып. Д 1—31). М., 1965. С. 9 (карта); *он же*. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население Среднего Дона в скифское время // МИА. 1969. № 151. С. 17 сл., карта на С. 19.

¹⁶ Рыбаков. Ук. соч. С. 121, 191 (карта).

при этом условии древний историк мог перепутать «отщепенцев» и их степных родичей. Термин этот — не этноним в собственном смысле слова; скорее он отражает ту роль, которую данное племя играло в социально-политической структуре Скифии, и потому претендовать на него не связанные с этой структурой скифы-отщепенцы вряд ли могли.

Все сказанное заставляет нас считать, что отождествление отложившихся скифов с древним населением, оставившим воронежские курганы, недостаточно обосновано археологически и не согласуется с данными Геродота о локализации зоны обитания этого народа даже после внесения в эти данные отнюдь не бесспорных коррективов. Уязвимость этого отождествления и предпринимаемых *ad hoc* исправлений Геродота уже отметил В. П. Яйленко, считающий наиболее правомерным помещение отложившихся скифов в Заволжье или Приуралье, но не приурочивающий их к какой-либо конкретной группе памятников¹⁷.

Резюмируя обзор предлагавшихся толкований интересующего нас пассажа, мы приходим к выводу, что ни одно из них не обладает достаточной доказательностью. Если воспользоваться несколько приблизительной аналогией из области математики, то можно сказать, что значительная неопределенность географических сведений о местоположении земли отложившихся скифов и отсутствие ясного представления об облике принадлежащих им памятников превращает поиски реальных следов этого народа в уравнение с двумя неизвестными, как известно, не имеющее решения. Точнее, такое уравнение имеет бесконечное множество одинаково правомерных решений, и для того, чтобы выбрать из них единственное искомое, мы должны располагать системой из двух уравнений. Поэтому достаточно убедительная атрибуция некоей совокупности памятников как отставленных отложившимися скифами возможна лишь при привлечении каких-то дополнительных данных, обеспечивающих введение добавочных критериев, по которым эта атрибуция предпринимается.

И все же первым шагом на пути решения этой проблемы должно явиться ограничение зоны поисков. Поскольку, однако, сведения, как мы видели, допускают различные трактовки, сформулируем задачу в более общем виде: локализация искомой зоны не должна вступать в противоречие с данными Геродота, равно как и со всей системой сведений, включающей эти данные. Иными словами, из всех существующих версий толкования этногеографической карты Геродота мы выбираем ту, которая по целому ряду соображений представляется нам наиболее обоснованной. Конечно, на данном этапе такой выбор носит предварительный характер. Но если, исходя из него, мы сумеем обнаружить памятники, достаточно обоснован-

¹⁷ Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1. С. 64—65. Однако один из его аргументов против гипотезы Б. А. Рыбакова — соображения относительно содержания сцен на воронежском сосуде — не кажется нам основательным. Атрибуция второй Геродотовой версии легенды о происхождении скифов как принадлежащей грекам давно отвергнута наукой, а полагают, что изображения ее главного героя, отождествленного в эллинской среде с Гераклом, непременно должны были соответствовать канонам античной иконографии этого последнего, можно, лишь игнорируя характер обращения скифского мифологического сюжета в Северном Причерноморье (ср. Граков Б. Н. Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. XXXIV). Это поразительное по наивности суждение впервые было высказано в связи с толкованием композиции на куль-обской вазе И. Б. Брашинским (В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 46) и повторено затем А. А. Нейхардт (Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 212). Если создатели куль-обской и воронежской чаш воспроизвели сюжет знакомого им скифского мифа, то восприятие некоторыми их соплеменниками героя этого мифа как аналога эллинскому Гераклу могло и не оказать никакого влияния на художественную трактовку его образа.

но интерпретируемые как принадлежащие отложившимся скифам, то помимо этого конкретного результата обретем дополнительный аргумент в защиту избранной версии как наиболее правомерной из всех предлагавшихся реконструкций расселения восточноевропейских народов по Геродоту.

Итак, проследим описанный Геродотом путь от причерноморских скифов царских в землю их отделившихся соплеменников (рис. 1). Царские скифы, согласно отцу истории (IV.20), занимают восточную часть Причерноморской Скифии, вплоть до Меотиды и Танаиса. Именно переправой через Танаис и начинается рассматриваемый маршрут, на первом этапе пролегающий через землю савроматов, которая, по Геродоту (IV.21), простирается на 15 дней пути к северу от северо-восточного угла Меотиды. Недавно И. А. Шишова убедительно показала, что содержащиеся в Скифском рассказе исчисления расстояний в днях пути далеко не всегда достаточно надежны¹⁸. Поэтому данные о протяженности земли савроматов приходится проигнорировать или, во всяком случае, не воспринимать как ключевой момент при реконструкции интересующего нас маршрута. Что же касается самой локализации этой земли к востоку от Танаиса, то она в настоящее время общепризнана. Правда, остается спорным, идентичен ли Геродотов Танаис на всем своем протяжении Дону или в нижнем течении это Дон, а выше — Северский Донец¹⁹. Но в контексте нашей темы это не имеет решающего значения, а согласно последней сводке К. Ф. Смирнова²⁰, памятники савроматского облика известны и в Донецко-Донском междуречье.

Выше савроматов живут будины. Многообразие предлагавшихся локализаций этого народа недавно было наглядно продемонстрировано Б. А. Рыбаковым²¹. Самой верной представляется нам локализация и археологическая идентификация будинов, предложенная Б. Н. Граковым, поскольку она наиболее последовательно согласуется со всей совокупностью сведений Геродота о территории обитания этого народа: земля будинов должна одновременно располагаться севернее земли савроматов (IV.24) и примыкать к земле невров (IV.105), обитающих, как известно, в Днепровском правобережье (IV.17). На этом основании Б. Н. Граков пришел к выводу, что будины — единственный, помимо скифов, восточноевропейский этнос, который Геродот (IV.108) характеризует как великий и многочисленный народ, — «занимали очень обширное пространство от воронежских до полтавских лесостепей». Он убедительно сопоставил эту их локализацию с тем фактом, что указанная территория покрыта по сути единой, «с не очень существенными вариантами», археологической культурой, занимающей территорию от устья Десны до Ворсклы и к югу от лесной зоны до Северского Донца в его лесостепном и отчасти степном течении²² с включением лежащего к северу от савроматских степей лесистого среднего воронежского Подонья²³, — т. е. скифоидного облика культурой лесостепи к востоку от Днепра. Нельзя не отметить, что такая интерпретация будинов представляет редкую согласованность достаточно сложной системы письменных и археологических данных.

¹⁸ Шишова И. А. О достоверности географических сведений в Скифском рассказе Геродота // *Летописи и хроники*, 1980 г. М., 1981. С. 25—26.

¹⁹ Рыбаков. Ук. соч. С. 27 сл.

²⁰ Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 19—26.

²¹ Рыбаков. Ук. соч. С. 11—12. Карта на С. 13.

²² Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. С. 131 сл.

²³ Там же. С. 60.

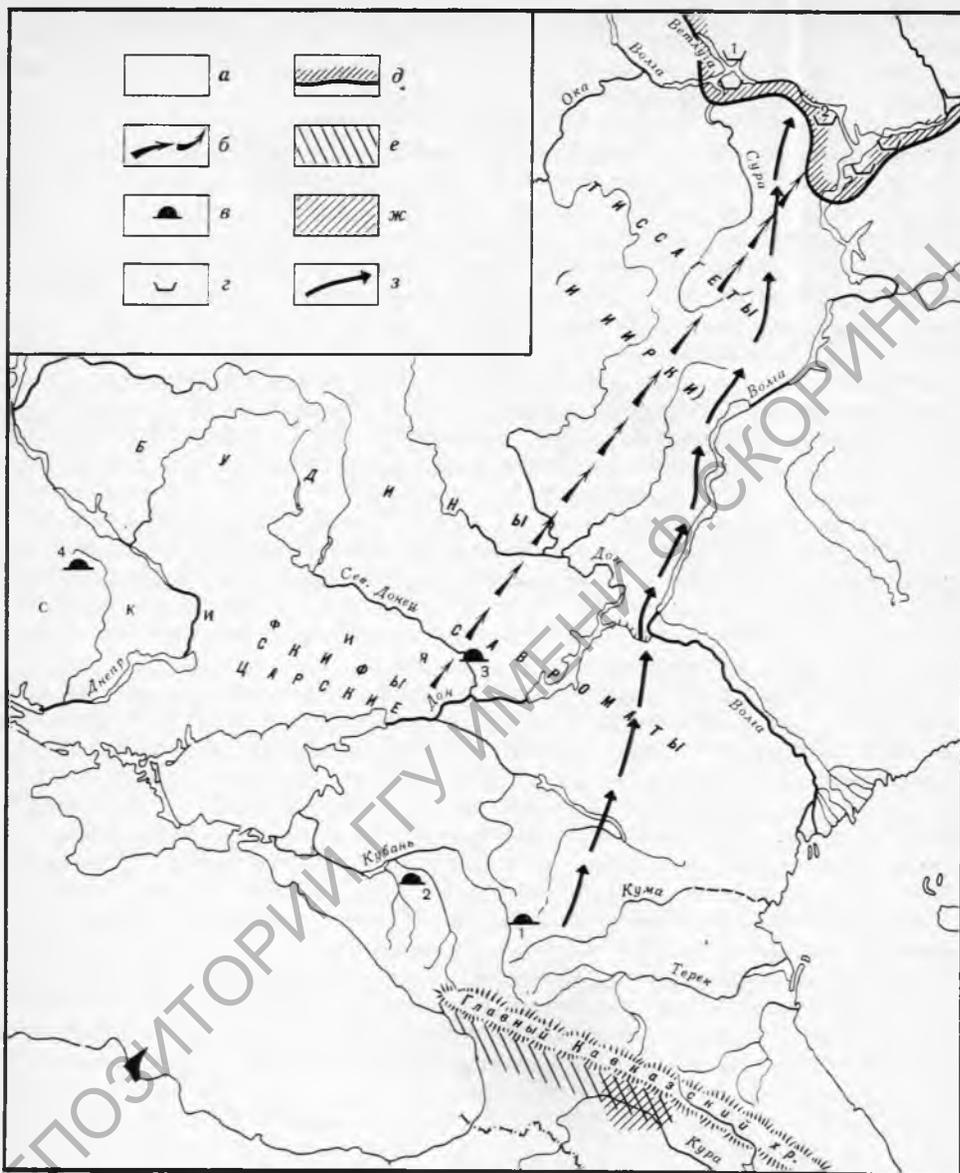

Рис. 1. Юго-Восточная Европа в скифское время. *a* — области расселения восточно-европейских народов по Геродоту; *б* — путь в землю отложившихся скифов по Геродоту; *в* — курганы раннескифского времени с элементами древневосточной культуры: 1 — Краснознаменский курган, 2 — Келермес, 3 — курган у р. Калитва, 4 — Мельгуновский (Литой) курган; *г* — раннеананьинские могильники на Средней Волге: 1 — Старший Ахмыловский могильник, 2 — Пустоморквашинский могильник; *д* — юго-западная граница ареала анашьинской культуры; *е* — зона наибольшего распространения элементов скифской культуры в Закавказье; *ж* — область распространения бронзовых поясов центральногрузинского типа; *з* — сухопутный путь из Предкавказья на Среднюю Волгу

«Выше будинов к северу» Геродот (IV.22) помещает пустыню, а за ней — с некоторым отклонением на восток — землю многочисленного народа тиссагетов. Здесь мы точно попадаем в ареал городецкой культуры, отождествление носителей которой с тиссагетами принято многими исследователями²⁴. Южная граница городецкого ареала проходит по северным районам Саратовской области, а его восточным и северным рубежом является Волга²⁵.

До сих пор мы получали достаточно последовательное совпадение данных Геродота с археологической картой. Более проблематична локализация следующего упомянутого им народа — иирков. Их иногда поселяют к северо-востоку от тиссагетов и отождествляют с носителями ананьинской культуры²⁶. Утверждение, что «Геродот помещает иирков к востоку от тиссагетов» содержится и в комментарии к последнему русскому изданию Скифского рассказа²⁷. Между тем никаких оснований для подобного утверждения текст Геродота не дает. Мы читаем здесь: «Рядом с ними (тиссагетами. — М. П., Д. Р.) в тех же самых местах (συνεχῆς δὲ τοῦτοις ἐν τοῖς αὐτοῖς τόποις) обитает племя, имя которому иирки» (IV.22; разрядка наша. — М. П., Д. Р.). Если не считать, что Геродот здесь неточен, — а для этого нет оснований, то его сообщение не заставляет непременно выделять этому народу особую территорию и приписывать ему какую-то лежащую вне городецкого ареала археологическую культуру. Следуя отцу истории, иирков можно искать и в пределах того же ареала. Возможно (хотя и не обязательно), им принадлежат какие-то отличающиеся специфическими признаками городецкие памятники, которые со временем будут выделены из общей массы²⁸.

«Выше иирков, если отклониться к востоку», лежит, по Геродоту, земля отложившихся скифов.

Итак, избрав в качестве ориентира одну из предлагавшихся реконструкций Геродотовой этногеографической карты и убедившись, что до сих пор эта реконструкция достаточно хорошо согласуется с археологической ситуацией, мы в наших поисках попали в области, примыкающие с северо-востока к городецкому ареалу, т. е. в Среднее Поволжье в пределах современных Марийской и Татарской АССР²⁹. Именно в этой зоне необходимо теперь предпринять поиски памятников, которые отвечали бы следующим критериям: во-первых, их археологический облик должен отражать определенную связь культуры оставившего их населения с культурой скифов

²⁴ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28. С. 67; Трубинова Н. В. Племена городецкой культуры // Археологический сборник. Труды ГИМ. 1953. Вып. 22. С. 69 сл.; Рыбаков. Ук. соч. С. 192.

²⁵ Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. № 95. С. 73.

²⁶ Историю вопроса см. Доватур и др. Ук. соч. С. 246. Неточно содержащееся здесь утверждение, что указанную точку зрения разделяет Б. А. Рыбаков, в действительности приписывающий ииркам дьяковскую культуру (Ук. соч. С. 191 сл.).

²⁷ Доватур и др. Ук. соч. С. 246.

²⁸ Любопытно, что именно в городецком ареале — в пределах современной Горьковской области — протекает р. Урга, левый приток Суры в нижнем ее течении. Этот гидроним по сути идентичен (с озвонченным согласным) этнониму «иирки» (Ἰῆρκαί). Конечно, сам по себе этот факт не может служить основой для локализации названного народа, но поскольку нас привели в эту область совершенно иные данные, нельзя пройти мимо столь выразительного совпадения.

²⁹ Отметим, что именно за этими областями начинается плавное повышение земной поверхности, приводящее на севере к упомянутым Северным Увалам, а на северо-востоке — к Уральским горам. Так что и по ландшафтным характеристикам предлагаемая локализация соответствует данным Геродота.

(или, учитывая неясность вопроса о времени интересующего нас раскола, их непосредственных предков); во-вторых, характер проявлений этой связи должен неоспоримо свидетельствовать о ее возникновении не просто вследствие межкультурных контактов, а в результате миграции в очерченную зону определенного контингента из областей, где присутствие скифов (или их предков) засвидетельствовано. Если такие памятники будут обнаружены, задачу археологической идентификации отложившихся скифов можно считать решенной.

На археологической карте I тыс. до н. э. очерченная область представляет юго-западную окраину обширного ареала ананьинской культуры, причем именно здесь сосредоточено наибольшее количество раннеананьинских памятников VIII—VI вв. до н. э., интенсивно исследованных в последние десятилетия³⁰. Конечно, нет никаких оснований приписывать ананьинскую культуру как таковую отложившимся скифам. Специалисты достаточно наглядно продемонстрировали местный ее генезис и комплексно обосновали принадлежность ее носителей к финно-угорским народам³¹. Тем не менее некоторые особенности средневожских раннеананьинских памятников должны привлечь пристальное внимание в контексте рассматриваемой темы.

Прежде всего следует отметить значительную концентрацию в них предметов вооружения скифских типов (рис. 2, 6—11). Так, выделяется достаточно обширная серия бронзовых втульчатых стрел — А. Х. Халиков на основании полного отсутствия в этом ареале находок литейных форм и бракованных экземпляров предполагает неместное их производство³². Всем найденным здесь наконечникам обнаруживаются аналогии в скифо-савроматском ареале, датируемые в основном VII—VI вв. до н. э. Некоторые представленные здесь типы, впрочем, формируются несомненно еще в VIII в. до н. э. и, возможно, тогда же начинается их проникновение в Среднее Поволжье. Существенно, однако, что практически во всех случаях, когда бронзовые втульчатые стрелы сочетаются здесь с датируемыми местными вещами, включающие их комплексы специалисты относят к VII—VI вв.³³

Достаточно широко распространены в ананьинских памятниках Среднего Поволжья и скифские акинаки. По А. Х. Халикову, они появляются здесь на рубеже VII—VI вв. до н. э. в результате «скифского внедрения», прервавшего местное развитие кинжалов и мечей иных форм³⁴. В собственно скифских комплексах нижняя дата подобных акинаков несомненно заходит и в VII в. до н. э.³⁵

Менее специфичны представленные в ананьинском ареале железные наконечники копий, однако некоторые из них достаточно близки к найденным в скифских памятниках³⁶. То же самое следует сказать о железных боевых топорах³⁷.

Со скифской материальной культурой связаны представленные в ин-

³⁰ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М., 1977.

³¹ См., например: Патрушев В. С. Марийский край в VII—VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984. С. 199 сл.

³² Халиков. Ук. соч. С. 206. По данным А. Х. Халикова, к 1977 г. таких стрел в раннеананьинской зоне было известно около 170 экз.

³³ Там же. С. 207—211. Рис. 77.

³⁴ Там же. С. 166.

³⁵ Мелюков А. И. Вооружение скифов. М., 1964. С. 47—52.

³⁶ Халиков. Ук. соч. С. 193 сл.

³⁷ Там же. С. 177сл.

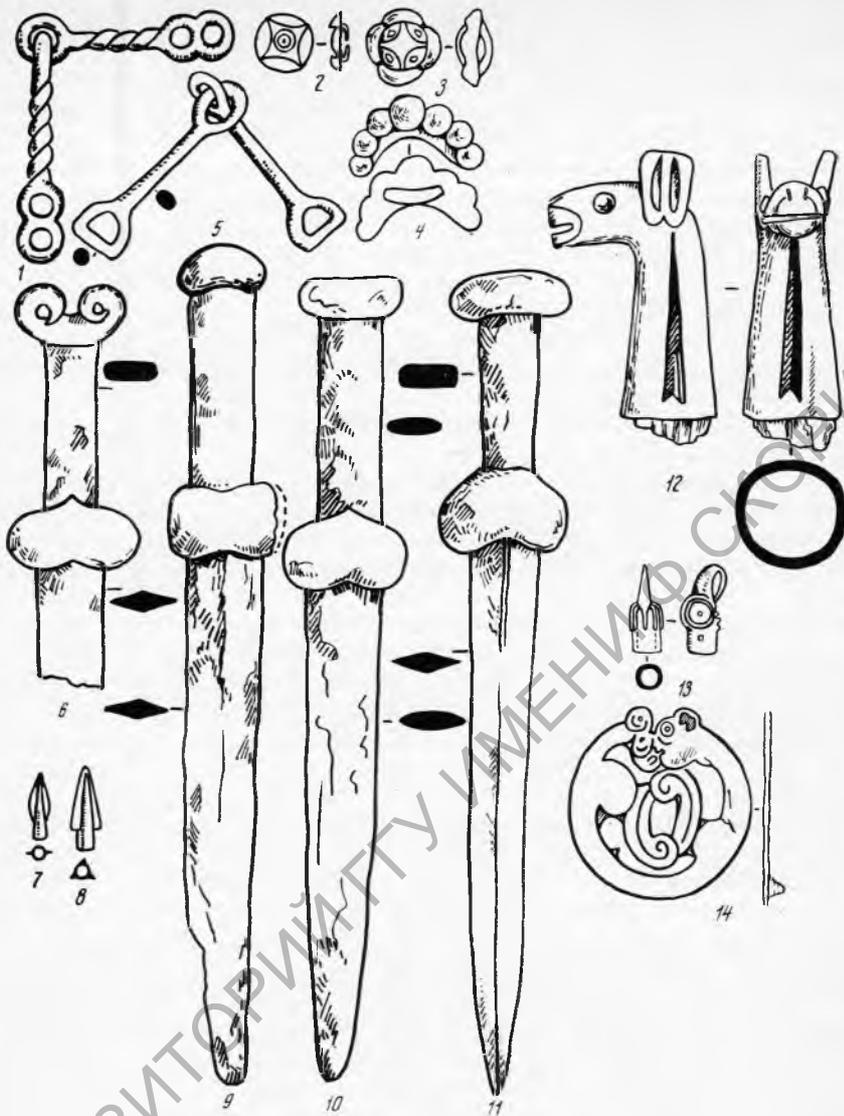

Рис. 2. «Киммерийские» и скифские предметы из Старшего Ахмыловского могильника (по В. С. Патрушеву и А. Х. Халикову)

тересующем нас регионе детали конской узда. К ним относятся бронзовые стремечковидные удила (рис. 2, 5)³⁸, бытовавшие в степях Восточной Европы и в предскифское, и в раннескифское время³⁹, а также железные удила с асимметрично расположенными петлями⁴⁰.

В работе 1977 г. А. Х. Халиков отмечал полное отсутствие в средневожских раннеананьинских комплексах предметов, выполненных в скифском зверином стиле⁴¹. Однако в более поздней публикации материалов

³⁸ Там же. С. 221 сл.

³⁹ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 149 сл.

⁴⁰ Халиков. Ук. соч. С. 222—226.

⁴¹ Там же. С. 258.

Старшего Ахмыловского могильника представлены хотя и единичные, но достаточно выразительные памятники такого рода, к примеру изображенные свернувшегося в кольцо хищника (рис. 2, 14) или бронзовый наконечник в виде головки хищной птицы (рис. 2, 13)⁴². Специального внимания заслуживает бронзовое навершие из погребения № 925 того же могильника (рис. 2, 12) в виде головы животного со стоящими ушами, шея которого, украшенная стреловидными прорезями, служит втулкой для насаживания навершия на древко⁴³. Пожалуй, ближайшую аналогию ему представляют навершия из Келермесского кургана № 1⁴⁴. Отличие состоит лишь в отсутствии у келермесских экземпляров прорезей на втулке, представленных, однако, на другом навершии из Келермеса (курган № 3)⁴⁵. Вообще же узкие длинные прорези весьма характерны для скифских наверший⁴⁶. В целом генетическая связь ахмыловского навершия с раннескифскими сомнения не вызывает, даже если предположить для него местное производство с некоторыми — весьма незначительными — искажениями прототипа.

Итак, раннеананьинские памятники Средней Волги несомненно содержат достаточно обильный и выразительный материал скифского облика, отражающий не случайное проникновение сюда отдельных скифских вещей, а какие-то исторические обстоятельства, обусловившие столь значительную концентрацию подобных предметов в рассматриваемом регионе. Однако рассмотренные материалы сами по себе не позволяют однозначно определить, каков был характер связей этого региона со Скифией, и тем более постулировать на этой основе наличие в среде населения Среднего Поволжья скифского этнического компонента, т. е. искомым отложившихся скифов. Мы уже говорили, что вещи рассмотренных категорий достаточно широко распространялись за пределы зоны обитания скифов и не могут служить этническим индикатором. В раннеананьинских памятниках они, как правило, не сосредотачиваются в одних и тех же погребениях, а сам облик содержащих их погребений (могильные конструкции, остальной инвентарь) по преимуществу явно нескифский. Поэтому описанные находки вполне могли бы быть интерпретированы как скифский импорт в зону расселения угро-финских племен. Существуют, однако, факты, не согласующиеся с подобным объяснением.

Прежде всего следует отметить значительную удаленность рассматриваемого региона от основной зоны распространения древностей скифского облика и разительное отличие его по уровню концентрации подобных находок от городецкого ареала. Между тем крайне маловероятно, что существование торговых связей, оставивших столь заметный след в раннеананьинских комплексах, никак не отразилось в памятниках промежуточной территории.

Решающую роль при объяснении механизма проникновения в Среднее Поволжье упомянутых скифских вещей призван, по нашему мнению, сыграть анализ материалов совершенно иного характера. Речь идет об обнаруженных в ананьинских памятниках этого региона предметах кавказского происхождения (рис. 3 и 4). Они неоднократно привлекали внимание

⁴² Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982. Табл. 130 (1в, и).

⁴³ Там же. Табл. 129 (1а).

⁴⁴ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Ленинград — Прага, 1966. Табл. 5.

⁴⁵ Там же. Табл. 4.

⁴⁶ Переводчикова Е. В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2. С. 40.

Рис. 3

Рис. 3. Предметы кавказского и урартского происхождения из Старшего Ахмедовского могильника (по В. С. Патрушеву и А. Х. Халикову)

Рис. 4. Фрагменты бронзовых поясов из Пустоморквашинского могильника (из фондов Гос. исторического музея)

Рис. 4

исследователей и сопоставлялись с находками с территории самого Кавказа. На этой основе уточнялась хронология раннеананьинских памятников и был сделан вывод о существовании начавшихся еще в предскифскую эпоху культурных контактов между населением Среднего Поволжья и Северного Кавказа. При этом в качестве кавказского партнера в этих контактах назывались племена кобанской культуры либо их преемники — создатели памятников каменноостско-березовского типа⁴⁷. Между тем интересующая нас серия находок отнюдь не исчерпывается вещами кобанского круга; она включает и предметы иной культурной принадлежности, зона происхождения которых локализуется достаточно надежно. Если же все обнаруженные в раннеананьинских комплексах кавказские древности рассмотреть в совокупности, то выявится достаточно выразительная картина, в которой отразились культурные процессы, имеющие непосредственное отношение к теме данной статьи. Полагая, что именно эти материалы могут сыграть роль тех дополнительных данных, без привлечения которых, как отмечалось выше, невозможно решение поставленной задачи, мы вынуждены предпринять достаточно детальный их анализ. Уточним, что мы рассматриваем только вещи, имеющие несомненно кав-

⁴⁷ Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30. С. 167; Патрушев. Марийский край... С. 127; Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1. С. 52.

казское происхождение. К сожалению, специалисты по ананьинской культуре зачастую не отграничивают их от предметов, которым удается найти лишь весьма приблизительные кавказские аналогии⁴⁸.

Наибольший интерес представляют для нас бронзовые пластины, служившие деталями женских налобных венчиков. В. С. Патрушев, посвятивший этим венчикам специальное исследование, убедительно показал традиционность этого элемента личного убора для племен ананьинской культуры (ранее это отмечала А. В. Збруева), но при этом констатировал кавказское и древневосточное происхождение мотивов декора некоторых входящих в такие венчики пластин⁴⁹. Однако сказанное им об этой специфической группе пластин требует уточнения и развития. В свое время уже А. В. Збруева, располагая только подобными находками из Пустоморквашинского могильника, предположила, что пластины из его погребения № 6, «по-видимому, были сделаны из обломков кавказского бронзового пояса»⁵⁰. Справедливость этого суждения безоговорочно подтверждают теперь материалы Старшего Ахмыловского могильника, где декор подобных пластин особенно выразителен. Оставляя в стороне предложенную В. С. Патрушевым классификацию ахмыловских пластин с точки зрения их принадлежности к тому или иному типу ананьинских венчиков, обратимся к дифференцированному анализу их декора с целью уточнения круга их кавказско-древневосточных аналогий и соответственно их происхождения. По представленным на них мотивам эти пластины делятся на несколько групп.

К первой относятся четыре ахмыловские пластины⁵¹. Их объединяет прежде всего наличие орнамента из двух параллельных рядов бегущей спирали, обрамленных с двух сторон полосами тонкой плетенки или штриховки. На двух пластинах из погребения № 840 над спиральным бордюром располагаются задняя часть фигуры и хвост какого-то зверя (рис. 3, 6, 7). Фрагментарность изображения обусловлена не специально избранным художественным приемом, а вторичным использованием кусков более крупного предмета. Еще более фрагментарно и потому менее понятно изображение на пластинах из погребения № 218 (рис. 3, 1, 2). Но при всей дефектности материала сохранившиеся элементы первоначальной композиции дают достаточную основу для сопоставлений. В. С. Патрушев уже сравнил декор двух первых пластин с изображениями на предметах из Тлийского могильника в Южной Осетии, где «известны аналогии зооморфным изображениям, спиральным узорам, изображению солнца на крупе лошади»⁵². Правильность этого сопоставления несомненна, но оно нуждается в уточнении и дополнении.

Прежде всего отметим, что на тлийских древностях все названные элементы в сочетании представлены исключительно в декоре поясов. С другой стороны, этот набор признаков присущ поясам не только Тлийского могильника, но характеризует серию аналогичных предметов, четко выделяемую из всей совокупности кавказских бронзовых поясов по целому ряду особенностей декора (условно назовем эту серию центральнокавказской). Помимо тлийских она включает экземпляры из Маралын-Дереси,

⁴⁸ Патрушев. Марийский край... С. 117 сл.

⁴⁹ Патрушев В. С. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника // СА. 1982. № 4. С. 192 сл., 196 слл.; *он же*. Марийский край... С. 38—39; Збруева. Ук. соч. С. 167.

⁵⁰ Збруева. Ук. соч. С. 167.

⁵¹ Патрушев, Халиков. Ук. соч. Табл. 36 (3 а), 120 (2 а).

⁵² Патрушев. Налобные венчики... С. 192 сл.; *он же*. Марийский край... С. 38 сл.

Сагареджо, Чабарухи, Пасанаури, Самтавро, Нареквави⁵³. Отметим в первую очередь такую особенность орнаментации всех этих поясов, как изображение животных, как бы покрытых своего рода «попоной», украшенной солярными розетками иногда в сочетании с елочной штриховкой. Отличительной особенностью изображений на этих поясах является и стреловидное окончание хвоста зверя или трактовка самого хвоста как узкого заостренного стержня, обрамленного косой штриховкой в один ряд. Все эти признаки представлены и на упомянутых ахмыловских пластинах, что в сочетании с особенностями общего построения прослеживаемых на них композиций не только подтверждает вывод А. В. Збруевой об изготовлении таких пластин из кавказских поясов, но и указывает, из поясов какого именно типа изготовлены рассмотренные экземпляры.

Судя по всему, к той же группе относится пояс, из которого были изготовлены детали налобного венчика, обнаруженного в погребении № 7 другого средневожского могильника — Пустоморквашинского (рис. 4)⁵⁴. Сохранившиеся на них изображения столь фрагментарны, что почти не поддаются реконструкции. Надежно опознаются лишь рога оленей на некоторых пластинах; на других угадываются части тела каких-то зверей, в том числе хвосты и крупы. По двум составляющимся вместе (но не так, как это предложила А. В. Збруева) пластинам удастся восстановить общий абрис фигуры зверя, также покрытого «попоной» с орнаментом из горизонтальных рядов елочки и мелких дуг. Изображение подобной украшенной елочкой «попоны» есть на поясе из Пасанаури⁵⁵ и на фрагменте пояса из Самтавро⁵⁶.

Легко подбираются аналогии предмету, из которого сделан налобный венчик из погребения № 2 Пустоморквашинского могильника. Этот венчик представляет собой цельную узкую бронзовую пластину, декорированную извилистой полосой точечного пунсонного орнамента. Первоначальный контур полосы выходит за пределы пластины, что говорит о вторичном использовании материала при ее изготовлении. А. В. Збруева предположила, что этот венчик сделан «из части какого-то более крупного предмета», а украшающий его узор сопоставила с изображениями змей на кобанских топорах⁵⁷. В настоящее время мы располагаем гораздо более близкой аналогией: совершенно идентичным декором бронзовых поясов, характерных прежде всего для инвентаря того же Глийского могильника⁵⁸.

Необходимо подчеркнуть, что все упоминавшиеся в ходе проведенного сопоставления кавказские памятники расположены очень близко друг от друга, в пределах весьма узкого ареала, у южных склонов центральной части Главного Кавказского хребта (см. рис. 1). Это позволяет надежно

⁵³ Хидашели М. Ш. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.). Табл. III, XI—XII; Давланидзе Р. В. Нареквави могилик // Мцхега. Т. VII. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.). Рис. 99.

⁵⁴ Большинство интересующих нас предметов из этого могильника в свое время были изданы А. В. Збруевой (Ук. соч. Табл. XXIX, 1, 2, 7; рис. 58 а, в, г). Однако их воспроизведения в этом издании крайне нечетки, и потому мы сочли необходимым опубликовать новые прорисовки вещей, хранящихся в фондах ГИМ.

⁵⁵ Хидашели. Ук. соч. Табл. XII; Урушадзе Н. Бронзовая летопись древней Грузии. Тбилиси, 1984. Табл. IV, 6.

⁵⁶ Урушадзе. Ук. соч. Рис. 25 (з). В этом издании данный фрагмент на с. 59 атрибутирован как найденный в Дманиси, тогда как в списке иллюстраций (с. 117) он обозначен как происходящий из Самтавро, что соответствует реальности.

⁵⁷ Збруева. Ук. соч. С. 167, 318.

⁵⁸ Тетов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977. Рис. 97 (6, 8, 10, 12, 14), 98 (4, 5, 8, 9).

очертить границы той области Кавказского региона, откуда происходит пояса, послужившие материалом для изготовления рассмотренных ананьинских венчиков. Остальные вещи кавказского или — шире — древневосточного происхождения, найденные в средневожских могильниках, не столь специфичны. Однако их совместное обнаружение в районе, столь удаленном от областей их изготовления, представляется отнюдь не случайным. С этой точки зрения весьма показательны пластины налобного венчика, найденные в погребении № 800 Ахмыловского могильника⁵⁹ (рис. 3, 3—5). Они также изготовлены из бронзового пояса, но иного происхождения. В их декоре надежно опознаются мотивы иной культурной традиции — искусства Урарту, где, в частности, они использовались в орнаменте поясов⁶⁰. Для нас существенно, что находками в Тлийском могильнике (погр. № 215б и 40б) засвидетельствовано проникновение как раз таких урартских поясов в тот же очерченный закавказский ареал⁶¹. Добавим, что в его пределах — к примеру, в могильнике Самтавро — обнаружены и иные урартские древности⁶².

Особняком стоит прямоугольная пластина, использованная в налобном венчике из ахмыловского погребения № 362⁶³ и также, судя по всему, изготовленная из бронзового пояса (рис. 3, 8). На ней представлено стилизованное изображение зверя (собаки?), заключенное в прямоугольную точечную рамку. Эта композиция не имеет столь прямых и однозначных аналогий, как все рассмотренные выше, но некоторые возможности для сопоставлений она предоставляет. Обращает на себя внимание сам прием помещения фигуры животного в прямоугольную рамку, известный в декоре и урартских (к примеру, экземпляр из могильника Эребуни⁶⁴) и закавказских (например, Самтавро⁶⁵) поясов. Точечное заполнение контура прямоугольных рамок в свою очередь представлено на урартских поясах, однако на известных нам экземплярах оно не сочетается с фигурами животных⁶⁶. Трактовке собаки на ахмыловской пластине подобрать достаточно точные аналогии затруднительно. Более всего тяготеет она к колхидо-кобанской изобразительной традиции, для которой достаточно характерны изолированные изображения одиночных зверей с раскрытой пастью, припавших на передние лапы; сами лапы, как и на нашей пластине, трактованы зачастую в виде узких, размещенных почти горизонтально треугольников⁶⁷. Таким образом, композиция на пластине из ахмыловского

⁵⁹ Халиков, Патрушев. Ук. соч. Табл. 114 (3).

⁶⁰ Ср. прежде всего пояса из с. Ани-Пемза и из Закима (Есаян С. А. Об урартских поясах, найденных на территории Советской Армении // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. Табл. X, 1, 2). Достаточно широкий круг древневосточных аналогий, привлеченных при анализе этих пластин В. С. Патрушевым (Налобные венчики... С. 193; *он же*. Марийский край... С. 39), в данном случае вряд ли правомерен, поскольку включает не только собственно урартские вещи, но и инокультурные, лишь испытывавшие определенное влияние урартской художественной традиции (Келермес, Мельгуновский курган). Между тем сам исследуемый материал однозначно связан именно с урартскими бронзовыми поясами.

⁶¹ Техов Б. В. Тлийский могильник. Вып. II. Тбилиси, 1981. Табл. 94 и 127.

⁶² См. Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984. С. 58 сл., 96 сл., 196.

⁶³ Халиков, Патрушев. Ук. соч. Табл. 62 (4 а).

⁶⁴ Есаян. Ук. соч. Табл. VIII (2).

⁶⁵ Хидашели. Ук. соч. Табл. IV.

⁶⁶ См., например: Есаян. Ук. соч. Табл. V (1—3), VI (2, 3), VII.

⁶⁷ Чаще всего к вершине такого треугольника примыкает другой, меньший, обозначающий стопу зверя и отсутствующий на нашем экземпляре (см., например, изображение на обухе топора из погр. № 52 Тлийского могильника — Техов. Центральный Кавказ... Рис. 80). Прямую же аналогию рассматриваемому изображению в этом отношении дает фигурка на кобанском топоре: Уварова П. С. Могильники Северного

погребения № 362 демонстрирует сочетание разнокультурных элементов — урартских и кобано-колхидских.

Существенно, что то же самое сочетание характеризует и всю археологическую ситуацию в очерченном ареале центральнозакавказских бронзовых поясов. Свидетельства проникновения сюда урартских древностей приведены выше. Что касается кобано-колхидского элемента в его культуре, то он проявляется как в появлении здесь вещей этого круга, так и в ощутимом влиянии связанной с ним художественной традиции в местных изобразительных памятниках.

Затронув вопрос о кобано-колхидском культурном элементе в Центральном Закавказье и связав с ним характер изображения на пластине из Ахмыловского могильника, мы можем по-новому оценить и факт присутствия кобанских древностей в составе инвентаря тех же средневожских памятников, откуда происходят все рассмотренные ранее вещи. Из них назовем происходящий с территории Ахмыловского могильника, но не отнесенный к какому-либо конкретному погребению узкий железный топор ⁶⁸ (рис. 3, 9). Тройной излом его тулова, молоточковидный обух и удлиннный проух — весьма характерные признаки кобано-колхидских бронзовых топоров; известны на Кавказе и железные их дериваты ⁶⁹. В этой связи упомянем также неоднократные находки в пределах ананьинского ареала (причем за одним исключением — именно в интересующей нас приволжской его части) бронзовых топоров кобано-колхидского происхождения ⁷⁰. Наконец, отметим и происходящий из погребения № 336 Ахмыловского могильника бронзовый наконечник ножен в виде стилизованной головки хищной птицы ⁷¹ (рис. 3, 10), самые близкие аналогии которому известны в кобанских памятниках Северной Осетии ⁷², а вне собственно кобанской зоны — опять-таки в пределах интересующего нас закавказского ареала, в Дванском могильнике ⁷³.

Итак, подробно проанализировав достаточно обширную совокупность связанных с Кавказом вещей из средневожских ананьинских памятников и очертив круг наиболее близких собственно кавказских аналогий им, мы приходим к выводу, что, хотя эта совокупность включает предметы разнокультурной принадлежности, в Центральном Закавказье надежно выделяется достаточно узкий ареал, характеризующийся совершенно идентичным сочетанием гетерогенных компонентов, причем один из них — определенного типа бронзовые пояса — специфичен лишь для этого ареала. В контексте нашей темы особую значимость такому выводу придает то обстоятельство, что к числу этих компонентов необходимо отнести и скифский, так как очерченный ареал входит в зону наибольшей концентрации скифских архаических древностей в Закавказье, охватывающую помимо интересующей нас территории западную часть Закавказского региона. По всей этой зоне засвидетельствованы достаточно многочисленные находки скифских предметов вооружения и конского снаряжения, прослежены черты погребального обряда, появление

Кавказа // МАК. 1900. VIII. Табл. VII, 4. Рис. 14. См. также Миллер А. А. Изображения собаки в древностях Кавказа // ИРАИМК. 1922. Т. II. С. 318. Рис. 28.

⁶⁸ Патрушев, Халиков. Ук. соч. Табл. 18 (8 в).

⁶⁹ Трапи М. М. Труды. Т. I. Сухуми, 1970. С. 189—193. Рис. 16 (3); Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. Табл. X (4).

⁷⁰ Халиков. Ук. соч. С. 181. Рис. 69.

⁷¹ Патрушев, Халиков. Ук. соч. Табл. 56 (4 в).

⁷² Крупнов. Ук. соч. Табл. XXV (2, 3).

⁷³ Макалатия С. И. Раскопки Дванского могильника // СА. 1949. XI. Рис. 6.

которых в этих областях наиболее убедительно можно объяснить влиянием скифской традиции, причем эти признаки внедрены здесь в местную культурную среду ⁷⁴.

Хронология вещей, представляющих каждый из упомянутых выше компонентов в указанном центральнозакавказском ареале в первые века I тыс. до н. э., позволяет выделить в истории этого ареала период синхронного бытования (в том числе в одних и тех же памятниках) всех этих различных по происхождению — как автохтонных, так и привнесенных — древностей. Таким периодом существования сложного поликультурного комплекса оказывается VII в. до н. э. ⁷⁵, что одновременно или непосредственно предшествует появлению аналогичных древностей в Среднем Поволжье.

Подведем итог несколько затянувшегося археологического экскурса. Сопоставляя средневожжский и закавказский гетерогенные культурные комплексы, мы можем констатировать, с одной стороны, идентичность (за исключением для первого из них местных — ананьинских — черт) характеризующего их сложного набора составляющих компонентов — скифского, центральнозакавказского, урартского и колхидо-кобанского, а с другой — исключительный характер этого сочетания, не представленного более ни в одном культурном ареале. *Независимое формирование такого комплекса в каждой из столь далеко отстоящих друг от друга областей древней ойкумены в результате самостоятельного распространения отдельных вещей представляется исключенным, и потому указанное сходство можно удовлетворительно объяснить лишь имевшей место не позже рубежа VII—VI вв. до н. э. миграцией какой-то группы населения* ⁷⁶, причем направление этой миграции (с юга на север, а не наоборот)

⁷⁴ Погребова М. Н. Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1984; Есаля С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

⁷⁵ Что касается архаических скифских древностей, происходящих из этой зоны Закавказья, то они датируются VII—VI вв. до н. э. Найденные в пределах той же зоны колхидо-кобанские и урартские вещи зачастую входят в инвентарь погребений, содержащих и скифские предметы, что свидетельствует об одновременном их здесь бытовании. Наиболее принята дата закавказских поясов — период с IX по VII в. до н. э. (*Хидашели*. Ук. соч. С. 139), но пояса, происходящие из отмеченного нами ареала, в том числе наиболее близкие к находкам из Поволжья, происходят преимущественно из комплексов VIII—VII вв. (*Панцхава Л. Н.* Некоторые вопросы колхидской и кобанской культур (по материалам Чабарухского и Пасанаурского кладов) // ВГМГ. 1986. XXXVIII-В. С. 34; *Пицхелаури К. Н.* Археологические исследования в зонах новостроек Иоро-Алазанского бассейна. 1975—1979 гг. // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1982. С. 61; *Давлианидзе*. Ук. соч. С. 8). Дискуссионен вопрос о дате включающих подобные пояса погребений Тлийского могильника. Б. В. Техов склонен считать верхним рубежом из бытования X в. до н. э. (*Техов*. Центральный Кавказ... С. 122 сл.). Мы же разделяем мнение авторов, относящих эти комплексы к VIII—VII вв. (*Воронов Ю. Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980, С. 205 сл.; *Панцхава*. Ук. соч.). Подробно рассмотреть эту проблему мы намерены в специальной работе. Приведенные данные свидетельствуют, что VII в. до н. э. оказывается тем периодом, когда на указанной территории одновременно бытуют все интересующие нас культурные компоненты.

⁷⁶ Этот вывод прямо противоположен толкованию тех же культурных фактов некоторыми исследователями ананьинской культуры. Так, В. С. Патрушев полагает, что проникновение в Среднее Поволжье древностей южного происхождения обусловлено исключительно обменом, причем появление здесь скифских вещей совпадает с прекращением притока кавказских по причине «смены ориентации культурных связей» местного населения на рубеже VII—VI вв. до н. э. (*Патрушев*. Марийский край... С. 136). Подобное разделение во времени представленных в ананьинском ареале скифских и кавказских древностей ни в малой степени не вытекает из их собственной хроноло-

неопровержимо определяется культурной принадлежностью составляющих этот комплекс элементов. Поскольку же в указанный район Среднего Поволжья нас привел анализ свидетельства о переселении отложившихся скифов, представляется более чем оправданным поставить вопрос о связи реконструированной миграции именно с этим этносом.

Правомерность такой интерпретации обусловлена тем, что рассмотренные могильники Среднего Поволжья фактически удовлетворяют всем сформулированным выше критериям, по которым предлагалось вести поиски гипотетических памятников отложившихся скифов: их местоположение согласуется с независимо обоснованным пониманием данных Геродота, в них достаточно ощутим скифский культурный элемент и появился он здесь не в процессе длительных межкультурных контактов, а был привнесен в среду оставившего эти могильники населения мигрировавшей с юга иноэтничной группой. И все же безоговорочно принять такую атрибуцию мешают три момента: явно нескифская, ананьинская, принадлежность указанных могильников в целом, не чисто скифский, а смешанный облик культуры мигрантов и, наконец, несовпадение исходной территории их миграции с областями, традиционно интерпретируемыми как зона обитания скифов. Однако, если ключевое для наших построений свидетельство Геродота, изначально, как мы видели, не слишком определенное и допускающее различные толкования, рассмотреть с учетом того конкретного исторического контекста, который определяется предложенной археологической идентификацией отложившихся скифов и вытекающей из нее датой их миграции, то перечисленные несоответствия оказываются по существу мнимыми. Представляется, что вся совокупность воссоздаваемых по независимым данным обстоятельств истории скифов в VII в. до н. э. закономерно диктовала именно такой характер интересующего нас события.

Начать с того, что скифские памятники этого периода в степях Северного Причерноморья крайне малочисленны⁷⁷, и это само по себе ставит под сомнение правомерность выведения отложившихся скифов в это время из областей, на основе анализа более поздней ситуации традиционно отождествляемых со Скифией. Исследования последних лет убедительно показали, что для интересующей нас эпохи зоной обитания скифов следует считать в первую очередь и по преимуществу степи Предкавказья, служившие на всем протяжении VII в. до н. э. плацдармом для их походов в Переднюю Азию⁷⁸. Имеющиеся на сегодняшний день данные самой различной природы не позволяют, следуя буквально за античной традицией, трактовать и вторжение скифов в области древнего Востока,

гии, опровергается приведенным выше фактом их сосуществования в рамках единого культурного комплекса в Закавказье и даже — в отдельных случаях — данными самих ананьинских могильников (ср. сочетание в погребении № 336 Ахмыловского могильника скифского акинака с рассмотренным выше кавказским наконечником ножен). Объяснить же проникновение сюда кавказских древностей исключительно обменом мешает как отсутствие следов такого обмена на промежуточных территориях, признаваемое, кстати, самим В. С. Патрушевым (там же, с. 127), так и главным образом подчеркнутое нами специфическое совпадение облика многокомпонентных культурных комплексов, не уловленное исследователями прежде вследствие слишком общего характера привлекаемых ими кавказских аналогий.

⁷⁷ Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. // Труды ГИМ. 1959. Вып. 36. С. 25 сл., 76 сл.; Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 12—20, 46.

⁷⁸ Мачинский. Ук. соч. С. 30—33; Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып. 23; Мурзин В. Ю. Про утворення Північнопричорноморської Скіфії // Археологія. Вып. 55. Київ, 1986. С. 1—4.

и их возвращение оттуда как одноразовые акции, связанные с конкретными историческими событиями. Более того, эти данные свидетельствуют о существовании отразившихся в культуре обоих регионов постоянных связей между проникшими в указанные области отрядами скифов и их предкавказской метрополией. Судя по характеру сообщений древних источников, и сами современники описываемых событий воспринимали скифов, пребывавших в это время по обе стороны Кавказского хребта, как этнически единый массив.

В таком историческом контексте следует воспринимать и упомянутые выше скифские древности, обнаруженные в Центральном и Западном Закавказье, т. е. на территории, расположенной как раз между двумя названными зонами активности скифов. Характер распределения этих древностей в закавказских памятниках — их сравнительное обилие и многочисленные случаи сочетания нескольких скифских элементов в одном и том же погребальном комплексе — позволяет постулировать наличие здесь в VII—VI вв. до н. э. определенного скифского населения. Состав подобных находок свидетельствует, что этот скифский этнический компонент составляли преимущественно или даже исключительно мужчины-воины, причем ощутима тенденция к сохранению за ними данной социальной функции и в рамках аборигенных коллективов. При этом чисто скифские памятники, четко отличающиеся по всему своему облику от автохтонных, в интересующий нас зоне отсутствуют, что говорит о достаточно активном внедрении этих воинов в местную этническую среду и о восприятии ими многих элементов местной культуры при сохранении все же определенной этнокультурной обособленности⁷⁹. Очевидно, речь идет о не слишком больших воинских группах, задерживавшихся в очерченном регионе при постоянных перемещениях скифских отрядов по территории Закавказья в Переднюю Азию и обратно, в предкавказские степи. На практике интеграция скифов в местную этническую среду осуществлялась, видимо, прежде всего через смешанные браки между этими воинами и представительницами автохтонного населения.

Специального внимания заслуживает то обстоятельство, что упомянутое выше появление в интересующих нас областях Закавказья урартских и колхидо-кобанских древностей не только синхронно распространению здесь элементов скифской культуры, но и может быть поставлено в прямую связь с передвижениями по этой территории групп скифов, уже вступивших к этому времени в достаточно тесные контакты с носителями обеих названных культур⁸⁰. Иными словами, сложение описанного поликультурного комплекса в центральной части Закавказья можно в известной мере трактовать как прямое следствие появления здесь скифов.

К концу VII — рубежу VII—VI вв. до н. э. начинается стимулированный целым рядом событий, из которых нам известны лишь немногие, массовый отток скифов из Передней Азии, сопровождавшийся достаточно активным проникновением скифов в разные области Восточной Европы. Хотя процесс этот в настоящее время документируется лишь единичными памятниками, безусловно принадлежащими подобным переселенцам, все же и широкий географический их разброс, и яркие древневосточные элементы в их инвентаре достаточно показательны. Оставляя в стороне несколько более ранний Краснознаменский курган и Келермес, расположенные в пределах предкавказской метрополии скифов, назовем в этой

⁷⁹ *Есаян, Погребова*. Ук. соч. Passim.

⁸⁰ *Погребова*. Закавказье и его связи... С. 197 слл.

связи такие яркие комплексы, как Мельгуновский курган на северо-западной окраине будущей причерноморской Степной Скифии и погребение на р. Калитве у северо-восточных ее рубежей⁸¹. При всей фрагментарности сведений об этих комплексах нельзя игнорировать отличие представленного в них обряда, и в частности следов трупосожжения, от того, который присущ культуре скифов, хорошо известной по памятникам более позднего времени. По сути для этого периода еще вряд ли можно говорить о скифской культуре как о стабильном сочетании значительного числа характерных признаков (это относится и к раннескифским памятникам Предкавказья), и такая неустойчивость неизбежно создавала предпосылки для активного восприятия пришедшими из Передней Азии воинами многих культурных черт той среды, в которую они внедрялись по мере своего расселения.

Если подойти к толкованию материалов из средневожских могильников с учетом всех приведенных данных, то они предстанут как одно из закономерных проявлений охарактеризованного этнокультурного процесса, охватившего широкие пространства Восточной Европы. В них можно видеть археологическое доказательство того факта, что на рубеже VII—VI вв. массовым движением из-за гор Кавказа оказались захваченными не только собственно переднеазиатские скифы, но и их соплеменники, обитавшие в VII в. до н.э. в Центральном Закавказье, — носители охарактеризованного смешанного культурного комплекса. Именно они проникли в ходе последовавшего затем расселения особенно далеко на север и оказались в тех самых местах, где, по Геродоту, обитают отложившиеся скифы. Показательно, что характер распределения принесенных ими элементов культуры в местной ананьинской среде отражает ту самую модель взаимоотношений пришельцев и аборигенов, которая ранее была реализована этими же скифами в Закавказье и в значительной мере обусловила само формирование принесенного ими в Поволжье гетерогенного комплекса: иноэтничные воины вступали в браки с местными женщинами и селились в автохтонной среде⁸². В этом смысле небезынтересно, что принесенные с далекого юга бронзовые пояса послужили в Среднем Поволжье для изготовления именно женских уборов местного типа. По существу как раз различной половой принадлежностью погребенных в известной мере и обусловлено то достаточно частое в поволжских могильниках разведение по разным комплексам вещей скифского облика и принесенных вместе с ними закавказских древностей, которое послужило одним из главных оснований для вывода об их несинхронном появлении в ананьинском ареале. Как мы уже видели, в тех случаях, когда те и другие функционально однородны, они порой оказываются в одной могиле, иногда к тому же вообще лишенной черт местной культуры (см., например, уже упоминавшееся ахмыловское погребение № 336).

⁸¹ *Мурзин*. Скифская архаика... С. 12, 19; *Придик Е.* Мельгуновский клад 1763 года // *МАР*. 1911. № 31; *Mancevics A. P.* A Kalitva folyo melletti kurgan // *Kulonlennyomat az Archaeologiai Ertesito 1961. évi 1 Számából*. Budapest, 1961.

⁸² При таком понимании социокультурного облика отложившихся скифов теряет силу упомянутый выше аргумент Д. А. Мачинского, ограничивающий гипотетическую зону их обитания областями, в экологическом отношении пригодными для кочевого образа жизни. Как мы убедились на примере скифов, задержавшихся на территории Закавказья (по всей видимости, это относится и к отрядам, проникавшим в Переднюю Азию), группы воинов — основные участники скифских миграций VII — начала VI в. до н.э., отрываясь от своих соплеменников, легко порывали с кочевым укладом и, внедряясь в иноэтничную среду, неизбежно осваивали качественно иные экологические ниши.

Мы убедились, таким образом, что ни смешанный археологический облик инокультурного элемента, внедренного на рубеже VII—VI вв. до н. э. в ананьинскую культуру Среднего Поволжья, ни модель взаимодействия его носителей с местной средой, ни локализация зоны его формирования не препятствуют исторической интерпретации всех проанализированных археологических материалов на основе сообщения Геродота об отложившихся скифах. Предложенная археологическая идентификация этой этнической группы, конкретизируя указанное сообщение, заставляет считать, что ее ядро составили те скифы, которые в VII в. до н. э. проникли в Центральное Закавказье, в течение некоторого времени обитали там, внедренные в местную этническую среду, восприняли определенные элементы ее культуры, но не потеряли при этом ни реальных связей с остальными своими соплеменниками, ни сознания своего с ними единства и потому легко были вовлечены в передвижение, охватившее на рубеже VII—VI вв. широкие скифские массы; в ходе этого переселения эта группа, однако, окончательно оторвалась от основного скифского массива, ушла далеко на север и там вновь — уже окончательно — смешалась с местным населением.

Что обусловило выбор ею пути, столь далекого и отличного от остальных маршрутов расселения скифов? По нашему мнению, здесь сказалось влияние как ландшафтно-географического, так и культурно-исторического фактора. Прежде всего сыграло роль существование чисто сухопутного пути из степей Предкавказья на север, пролегающего как раз к тому участку Среднего Поволжья, между устьями Свияги и Суры, где расположены рассматриваемые ананьинские могильники (см. рис. 1). Переселенцы, перевалив через Кавказский хребет в непосредственной близости от мест формирования присущего им смешанного культурного комплекса, пройдя между верховьями Кубани и Терека и миновав долину Кумы в ее верхней части, могли совершить весь дальнейший маршрут, не встретив на пути ни одной речной переправы⁸³.

Что касается культурно-исторических предпосылок указанного выбора, то они проявляются наличием в инвентаре средневожских могильников вещей так называемых предскифских, или киммерийских, типов. Из них упомянем бронзовые удила с двуколычатыми концами, бронзовые лунницы, бляшки с ромбовидным орнаментом (рис. 2, 1—4)⁸⁴. В первые века I тыс. до н. э. подобные предметы были широко распространены как в причерноморских степях, так и в Предкавказье и на Северном Кавказе⁸⁵. Однозначно объяснить появление этих вещей в ананьинском ареале мешает дискуссионность вопроса о верхней границе периода их бытования. Если принять мнение, что он захватывает и VII в. до н. э.⁸⁶, то не исключена синхронность вещей киммерийских типов, найденных в ананьинских могильниках, охарактеризованному выше поликультурному комплексу. Тем не менее предположить, что они были принесены в Среднее Поволжье вместе с прочими древностями южного происхождения в результате описанной миграции, мешает полное отсутствие подобных находок в пределах исходной ее зоны на территории

⁸³ На это обстоятельство внимание авторов любезно обратил К. К. Шилик.

⁸⁴ Патрушев, Халиков. Ук. соч. Табл. 24 (40), 76 (10), 33 (6а), 77 (1а) и др.

⁸⁵ Тереножкин. Ук. соч.; Крупнов. Ук. соч. Табл. VII. 1—2, 4—5; Табл. VIII; XI, 5 и др.

⁸⁶ Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984. С. 30—56.

Закавказья. Поэтому правомернее, как представляется, относить их ко времени, предшествующему этой миграции, и видеть в них доказательство существования допускаемых многими исследователями связей носителей ананьинской культуры с южными областями еще в предскифскую эпоху. К сожалению, сам набор вещей киммерийских типов в средневожских могильниках не позволяет уточнить ни характер этих связей, ни области обитания втянутых в них южных племен. Определенный интерес в этом плане представляют, впрочем, упомянутые кобанские бронзовые топоры, найденные в ананьинском ареале. Их появление здесь было выше поставлено нами в связь с проникновением в Поволжье других вещей скифо-кавказского круга. Но учитывая достаточно широкую дату подобных топоров, нельзя считать исключенным, что по крайней мере некоторые из них относятся к более раннему времени. В таком случае следовало бы наиболее вероятным южным партнером ананьинцев в контактах предскифской эпохи считать именно обитателей Северного Кавказа и приписать влиянию традиционных для них связей выбор того маршрута, по которому проследовали отложившиеся скифы⁸⁷.

Такое объяснение тем более правомерно, что некоторые факты как будто указывают на прямое участие определенного кобано-колхидского контингента в этой скифской миграции. Помимо приведенных выше данных о возможной причастности представителей этих племен к перемещениям скифов еще по территории Закавказья и о наличии кобанского элемента в принесенном в Среднее Поволжье с юга поликультурном комплексе в этом отношении весьма показательны единство технологии обработки железа в ареалах кобанской и ананьинской культур при явном приоритете первой. Это привело специалистов по истории металлургии к выводу о проникновении в ананьинскую среду кобанских ремесленников — носителей соответствующих производственных навыков и секретов⁸⁸. Поскольку же наиболее активное освоение кобанцами обработки железа относится как раз ко времени их тесного взаимодействия со скифами⁸⁹, возможно, даже в известной мере стимулировавшими этот процесс, такое проникновение следует относить преимущественно не к доскифской, а к скифской эпохе, что и позволяет поставить вопрос о его связи с реконструированной миграцией. В этом контексте напомним весьма продуктивную гипотезу В. Б. Ковалевской о перманентном использовании чуждавшимися ремесленного труда скифами-воинами эпохи архаики кобанцев как профессиональных ремесленников-металлургов⁹⁰. Подобное разделение труда, обусловившее межэтнический симбиоз еще в пределах Кавказского региона, настолько соответствовало социальным концепциям иранцев-скифов, их представлениям о статусе и социальных

⁸⁷ Напомним, что на протяжении этого маршрута зафиксирован целый ряд находок, свидетельствующих об освоении указанного пути в предскифскую эпоху (*Тернопольск. Ук. соч.* С. 15. Карта).

⁸⁸ *Терехова Н. Н., Хомутова Л. С.* Освоение человеком химико-термических и термических процессов на ранних этапах становления железообрабатывающего производства в Восточной Европе // *Человек и окружающая среда в древности и средневековье* (Материалы совещания 25—26 января 1983 г.). М., 1985. С. 153—154.

⁸⁹ *Крупнов.* Древняя история... С. 323.

⁹⁰ *Ковалевская В. Б.* Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен // *Мацне. Историческая серия.* Тбилиси, 1985. № 3. С. 53—56. Данный вопрос специально рассмотрен В. Б. Ковалевской и в докладе на Душетской научной конференции, посвященной проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (октябрь 1984 г.).

функциях различных слоев общества⁹¹, что могло стимулировать включение кобанцев-ремесленников в группу скифов, двинувшихся из Закавказья далеко на север. Но и при таком смешанном составе этой группы и при доминирующей роли традиционных связей кобанцев в выборе маршрутов передвижения ее этнокультурный облик определял прежде всего скифский компонент, сама миграция была спровоцирована процессами, охватившими скифский мир, и потому в рассказе Геродота и, очевидно, в памяти самих скифов, к чьим сказаниям, очевидно, восходит его свидетельство, эта миграция запечатлелась как переселение их отложившихся соплеменников.

Мы отнюдь не случайно упомянули здесь скифские сказания. Отнеся отделение интересующей нас группы скифов к рубежу VII—VI вв. до н. э. и связав его с возвращением скифского войска из Передней Азии, отстоящим от времени Геродота на полтора столетия, мы неизбежно оказываемся перед вопросом, на какие источники опиралось его сообщение об этом событии. По нашему мнению, оно, как и большинство сохранившихся Геродотом данных о раннескифской истории, базируется на собственно скифской эпической традиции, сыгравшей заметную роль в формировании Скифского логоса⁹². Более того, хронология средневожжских ананьинских памятников, прекративших свое существование к концу VI в. до н. э.⁹³, свидетельствует, что, если наша идентификация верна, ко времени Геродота отложившиеся скифы как историческая реальность вообще исчезли с этногеографической карты Восточной Европы. Но связи Скифии с ананьинскими племенами (осуществлявшиеся, однако, уже преимущественно не по тому пути, которым проследовали наши мигранты, а по описанному Геродотом) существовали и в более позднее время⁹⁴, и это обстоятельство способствовало сохранению памяти о проникших некогда в столь отдаленные края соплеменниках. Хранилищем этой памяти в бесписьменном обществе скифов неизбежно мог служить лишь эпос, и именно из него скорее всего почерпнул Геродот рассказ об отложившихся скифах.

⁹¹ Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 139.

⁹² См. об этом: Делегов Л. А., Раевский Д. С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность // НАА. 1979. № 6; Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 33 сл.

⁹³ Халиков. Ук. соч. С. 258. Мы не можем, однако, согласиться с предположением А. Х. Халикова, что прекращение существования этих памятников и массовое переселение ананьинцев в бассейн Вычегды и в более северные районы было вызвано походом Дария в Причерноморскую Скифию. Ни одна сколько-нибудь обоснованная реконструкция маршрута этого похода, даже предполагающая наибольшую его протяженность (см. Рыбаков. Ук. соч. С. 169 сл.) не позволяет допустить проявление непосредственных его последствий в столь удаленных от Скифии областях. О масштабах этого похода см. также Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984; Раевский. Ук. соч. С. 68 сл.

⁹⁴ Збруева. Ук. соч. С. 170. Отметим, что в тех могильниках, инвентарь которых фиксирует связи ананьинцев со скифами на сравнительно позднем этапе, находки раннескифских древностей менее обильны, чем в памятниках Среднего Поволжья. Это может отражать различие способов попадания скифских вещей в ареал ананьинской культуры. Впрочем, вряд ли правомерно безоговорочно трактовать и все без исключения скифские предметы из приволжских могильников как след описанной миграции. Вероятно, и среди них имеются попавшие в этот район самостоятельно. К примеру, производит впечатление несколько более поздней упомянутая бляха с изображением свернувшегося хищника (рис. 2, 14). Вместе с тем, нельзя не заметить, что сам этот мотив хорошо представлен в памятниках Передней Азии и Закавказья раннескифского периода. История формирования этой иконографической схемы и соответственно культурно-историческая атрибуция всех ее воплощений требуют еще детального изучения.

И в заключение — еще одно замечание. Предложенная идентификация отложившихся скифов придает особую ценность сообщению Геродота о том, что они отложились именно от царских скифов, поскольку позволяет лучше понять, какой смысл вкладывал историк в этот термин, столь существенный для понимания структуры Скифии как социально-политического образования и для воссоздания истории ее сложения. Мы видим, что для Геродота скифы царские — это главным образом те скифы (и все те скифы), которые приняли участие в переднеазиатских походах. Именно они по возвращении выдержали напряженную борьбу с «сыновьями слепых» (IV. 3—4), победа в которой обеспечила им господствующее положение в скифском обществе и право считать всех прочих скифов своими рабами (IV. 20). Таким образом, предложенная идентификация, если она будет принята читателями, не только уточняет этногеографию Восточной Европы скифского времени, но и открывает новые возможности для более ясного понимания раннескифской истории. Однако это тема самостоятельного исследования.

CONCERNING THE 'BREAKAWAY SCYTHIANS'

M. N. Pogrebova, D. S. Raevsky

When describing the peoples who inhabited Pontic Scythia, Herodotus said (Herod. IV, 2) that other Scythians lived beyond the lands of the Sauromatae, Budini, Thyssagetae, and Iyrcae, who had broken away from the Royal Scythians and so reached that country. This report is valuable since it contains indirect evidence of a certain event in early Scythian history, about which we have very little data in general. Historical interpretation of this event is impossible, however, without archaeological identification of relics of the 'breakaway Scythians'. Search for such is hampered by the diverse reconstructions proposed of Herodotus' ethnogeographical map of Eastern Europe, and by the absence of pointers to when the Scythians split. We thus have no unambiguous clues either as to where to look or as to what the relics being sought would look like. A convincing solution can thus only be provided by additional data.

For all that, the authors, starting from Herodotus, assume that the 'breakaways' most probably lived on the Middle Volga, on the south-western fringe of the area of the Ananyino culture. The 7th and 6th century B. C. graves of the local population in that area are rich in early Scythian antiquities, which are combined there with items of North Caucasian, Transcaucasian, and Urartean origin. That is obviously not fortuitous, especially as a quite identical combination of diverse cultural components is found in a limited area of Central Transcaucasia (a zone probably inhabited by Scythian bands of the time of the Near Eastern raids). All these things undoubtedly reached the Middle Volga from there, not through intertribal trade, but as a consequence of the migration of a certain ethnic grouping (very likely Herodotus' 'breakaway Scythians'). The same model of an interaction between Scythian settlers and the local population found on the Middle Volga has already been traced in other parts of Eastern Europe in the period of the Scythians' return from the Near Eastern raids. The significance of the authors' attempted identification of relics of 'breakaway Scythians' therefore goes beyond the limits of an answer to this concrete problem, and is very relevant to the reconstruction of early Scythian history as a whole.